

Глава 1

ДЭШ

Груша на куропаточном дереве¹

13 декабря, суббота

Мы встречаемся с Лили уже почти год, но, что бы я ни делал, ее брат по-прежнему недолюбливает меня, не доверяет мне и не считает меня даже относительно достойным его сестры. Поэтому для меня было шоком, когда он позвал пообедать с ним с глазу на глаз.

¹ Переиначена строка из песни «The Twelve Days of Christmas», которая звучит так: «A partridge in a pear tree» («Куропатка на грушевом дереве»). В песне поется о девушке, которая в течение двенадцати дней дарит своему возлюбленному подарки: в первый день — куропатку на грушевом дереве, на второй — двух голубей, на третий — три французские курицы, на четвертый — четыре певчие пташки, на пятый — пять золотых колец, на шестой — шесть гусынь, на седьмой — семь плавающих лебедей, на восьмой — восемь молочниц, на девятый — девять танцующих дам, на десятый — десять скачущих лордов, на одиннадцатый — одиннадцать волынщиков, на двенадцатый — двенадцать барабанщиков. Названия двенадцати глав этой книги перекликаются с соответствующей строчкой из песни. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

«Ты, часом, номером не ошибся?» — написал я ему.

«Не будь придурком. Просто приходи», — ответил он.

Ужасно не хотелось признаваться себе в этом, но на самом деле я знал, почему Лэнгстон хочет встретиться со мной и о чем собирается говорить.

Брат Лили не прав на мой счет, но прав в том, что есть проблема и ее нужно решать.

Год выдался тяжелым.

Не с самого начала.

Начало года как раз тянуло на плебейские понятия «суперское» и «клевое», поскольку Рождество и Новый год одарили меня непривычной потребительской и постпотребительской депрессией, а Лили — светлой и жизнерадостной, верящей Лили. Благодаря ей я по-иному взглянул на сказочного добряка-пухляка в красной шубе при турбо-санях. Благодаря ей радовался, когда Отец Время сдал ключи новорожденному дитятке году и сказал: «Вперед, теперь ты у руля!» Благодаря ей стал с легким цинизмом относиться к своему же цинизму. Мы начали год с поцелуев в складском помещении с редкими книгами нашего любимого книжного — «Стрэнда». Это предвещало все только самое хорошее.

Какое-то время так и было.

Она познакомилась с моими друзьями. Знакомство прошло замечательно.

Я повстречался с членами ее бесчисленного семейства. Знакомство прошло неплохо.

Она познакомилась с моими родителями и их отчимами. Те несколько подрастерялись, когда их сын-нок-туха привел домой девушку-солнце. Но, конечно же, не расстроились. Наоборот, пришли в такое благоговение, какое обычно вызывают у ньюйоркцев идеальные бублики, поездки на такси по «зеленому коридору» и звездные фильмы Вуди Аллена (один к пяти).

Я познакомился с любимым дедушкой Лили. Ему понравилось мое рукопожатие. Он сказал, такого рукопожатия достаточно для его одобрения. Но я и дальше искал его расположения. У этого человека загораются глаза при воспоминании о том, как он играл в бейсбол пятьдесят лет назад!

Одобрения Лэнгстона, брата Лили, мне никак не удавалось снискать. Чаще всего он не мешался, оставляя нас наедине. И это здорово. Я встречался с Лили не для того, чтобы общаться с ее братом. Я встречался с Лили, чтобы общаться с ней.

И еще как общался! Мы учимся в разных школах и живем в разных районах, поэтому местом отдыха и развлечений для нас стал весь Манхэттен: сначала мы прогуливались по заледеневшим паркам, а потом отогревались в кофейнях и интернет-кафе. Я показал Лили свои любимые уголки нью-йоркской публичной библиотеки. Она показала мне свои любимые сладости в пекарне «Левейн»... то есть все.

Манхэттен ничуть не возражал против наших блужданий.

Январь сменился февралем. Холод стал пронизывать город насквозь. Все реже лица прохожих освещали улыбки. Долгожданный и завораживающий

снег уже не радовал, покрывая собой окрестности. Мы бродили по городу продрогшие и окоченевшие.

Но Лили... Лили не обращала на это внимания. Лили — это варежки, горячий шоколад и снежные ангелы, вспорхнувшие с заснеженной земли и танцующие в воздухе. Она любит зиму. Интересно, есть ли время года, которое она не любит? Я искренне пытался проникнуться ее энтузиазмом. Мое душевное состояние создано для мучений, а не для тепла. Я не понимал, как можно быть такой счастливой. Однако именно эта любовь меня и пленила, поэтому я решил просто жить в ней, не задаваясь излишними вопросами.

Потом...

За два дня до дня рождения Лили, в мае, я попросил своего друга Бумера помочь мне связать ей красный свитер. Обнаружил, что, даже пересмотрев тонну видео на Ютубе, за день кофту не свяжешь. Сначала я не услышал звонка. Затем услышал, но у меня были заняты руки. И только спустя два часа я увидел, сколько мне пришло сообщений.

Лишь прослушав эти сообщения, я узнал, что любимый дедушка Лили пережил инфаркт в самое неподходящее время — когда поднимался по лестнице к себе наверх. Он упал. И катился, катился, катился по ступенькам вниз. После чего не меньше получаса лежал внизу в полубессознательном состоянии, пока домой не вернулась Лили. «Скорая» ехала к ним целую вечность. При Лили у дедушки остановилось сердце. При Лили медики вернули его к жизни. И пока она мучительно ждала, находившийся на грани смер-

ти дедушка с трудом выкарабкался, оставшись по эту сторону жизни.

Родители Лили жили в другой стране. Лэнгстон был на лекции в университете, где нельзя пользоваться мобильным. Я был слишком занят вязанием своего подарка-сюрприза для нее, чтобы обратить внимание на звонки. Лили в одиночестве просидела в приемной Пресвитерианской больницы Нью-Йорка, страшась потерять человека, об утрате которого она никогда не задумывалась.

Ее дедушка выжил, но восстановление заняло длительное время. Он выжил, но шаги к исцелению были очень болезненными. Он выжил, потому что Лили помогала ему жить, но эта помощь не прошла бесследно для нее. Потерять дедушку было бы ужасно для Лили, но видеть его постоянные страдания, постоянное бессилие и сокрушенность было не легче.

Домой вернулись родители Лили. Лэнгстон предложил взять в университете академический отпуск. Я пытался быть рядом, помочь. Но она все взвалила на себя. Дедушка — ее ответственность, и никак иначе. А он слишком страдал, чтобы возражать. Не мне его винить: случись что со мной, я бы тоже хотел, чтобы именно она поставила меня на ноги. Чтобы именно она вернула меня к жизни. Даже если бы она сама при этом перестала ощущать эту самую жизнь во всем ее великолепии.

Когда что-то идет не так, больше всего страдает тот, кто верит в лучшее. Лили не хотела говорить об этом, а у меня не хватило красноречия убедить ее посмотреть на происходящее с другой стороны. Она хо-

тела видеть во мне убежище. Так прямо и сказала, заставив трепетать мое сердце. И я поддерживал ее, но это была пассивная поддержка стула или столба, а не активная поддержка человека, не дающая упасть другому человеку. Пока ее дедушка проходил операции, осложнения после операций и физиотерапию, мы все меньше проводили время вместе: меньше бродили по городу, меньше забредали в мысли друг друга. В мгновение ока пролетели экзамены, наступило лето. Лили устроилась волонтером в реабилитационный центр, в котором восстанавливался ее дедушка, — чтобы подольше быть с ним и помогать другим людям, нуждавшимся в ее помощи так же сильно, как он. Я чувствовал себя виноватым, поскольку в то же самое время отдыхал то с мамой, то с отцом: отец пытался переплюнуть мамино путешествие в Монреаль непродуманной развлекательной поездкой в Париж. Мне хотелось наорать на отца из-за этой поездки, но я вовремя опомнился. Орать на отца за то, что он везет сына в Париж? Бред. Просто мне хотелось быть подальше от него, мне хотелось быть рядом с Лили.

С началом нового учебного года наши отношения стали налаживаться. Ее дедушка снова ходил и стал мягко прогонять Лили, ради ее же блага. Мне казалось, она вздохнет с облегчением. Она и правда чувствовала облегчение, но в глубине души продолжала бояться за дедушку. Я не лез к ней в душу, считая, что если делать вид, будто все в порядке, в один прекрасный момент полужошь превратится в полуправду, а потом и вовсе станет правдой.

Погрузившись в школьную жизнь, в окружении

друзей я с легкостью убедил себя в том, что у нас с Лили вновь все нормально. Мы замечательно проводили время, гуляя по городу и одновременно забывая о нем. Лили не открывала мне полностью свое сердце, но мне хватало того, что она позволяла увидеть. Себя, смеявшуюся над схожестью хозяев собак с их питомцами. Себя, плакавшую над телевизионным шоу, в котором возрождают рестораны, близкие к закрытию. Себя, державшую в своей комнате на случай моего прихода пакет с вегетарианским зефиром, потому что я однажды сказал ей, как обожаю его.

И только с приближением Рождества показались первые трещины.

Обычно в Рождество мое сердце усыхает и черствеет. Мне ненавистно то, как туристы заполняют улицы и привычный гул города заглушают избитые мотивы и сантименты. Большинство людей считают дни до наступления Рождества, чтобы успеть закупиться. Я считаю эти дни в ожидании, когда пройдет Рождество и наступит настоящая, суровая зима.

В моем сердце оловянного солдатика не было места для Лили, но она проникла в него. И принесла с собой Рождество.

Поймите меня правильно, мне претят все эти фальшивые пожелания добра в конце каждого года, которые люди раздают друг другу, чтобы потом, перевернув календарный лист, напрочь забыть о доброте. Такая амнезия мне не по вкусу. Лили же носит в сердце добро всегда и везде, круглый год. Теперь я и в других замечаю это: сидя за столиком кафе «Ле-Пейн» в ожидании Лэнгстона, вижу, с какой бесконечной до-

бротой и нежностью смотрят друг на друга влюбленные парочки; так же смотрят на своих детей большинство родителей (даже донельзя вымотанные и уставшие). Я везде вижу частичку Лили. Ту самую, которую все меньше вижу в ней самой.

И, видимо, не я один. Лэнгстон, не успев прийти, тотчас выпалил:

— Слушай, последнее, чего мне хочется, — трапезничать тут с тобой, но нам нужно действовать. И действовать немедленно.

— Что случилось?

— До Рождества осталось всего двенадцать дней.

Я кивнул. В конце концов, сегодня тринадцатое декабря.

— Так вот, до Рождества всего двенадцать дней, а у нас в квартире образовалась зияющая дыра. Знаешь, отчего?

— Термиты?

— Заткнись. Дыра у нас в квартире оттого, что там нет рождественского дерева. Обычно Лили ждет не дождется конца празднования Дня благодарения, а потом бежит сломя голову за елкой. Считает, что в городе все самые лучшие елки разбирают заранее, и чем дольше ждать, тем скорее тебе достанется самая неказистая. Поэтому к первому декабря елка уже стоит в нашем доме, и следующие две недели Лили ее наряжает. Четырнадцатого декабря мы устраиваем церемонию зажигания елки: Лили притворяется, будто такова наша давняя семейная традиция, но правда в том, что она сама начала ее в возрасте семи лет. А в этот год — ничего. Елки нет. Украшения лежат

в коробках. Завтра должна быть церемония. Миссис Бэзил уже заказала праздничный ужин, и я не знаю, как сказать ей, что у нас даже елки нет для зажигания.

Мне понятен его страх. В ту минуту, когда их двоюродная бабушка — которую мы все зовем миссис Бэзил — откроет дверь в квартиру и учует отсутствие елки, всем придется ох как несладко. Она не станет скрывать своего недовольства.

— Так почему ты просто не купишь елку? — спросил я.

Лэнгстон хлопнул себя по лбу ладонью, потрясенный моей тупостью.

— Потому что это — дело Лили! Обожаемое ею дело. Купив елку без нее, мы укажем на то, что она не сделала этого сама. Лили только еще больше расстроится.

— Да-да, ты прав.

Подошла официантка, и мы заказали пирожные. Оба понимали, что нам не о чем будет общаться полноценный обед.

— Ты напоминал ей о елке? — спросил я, сделав заказ. — Ну, о том, что ее надо купить?

— Пытался. Прямо в лоб: «Хей, может, сходим за елкой?» И знаешь, что она ответила? «Я не в настроении для этого».

— Совершенно не похоже на Лили.

— А я о чем! В общем, отчаянные времена требуют отчаянных мер. Потому я и написал тебе.

— Но чем я тут могу помочь?

— Она говорила с тобой об этом?

Несмотря на воцарившееся между мной и Лэнгстоном временное перемирие, мне не хотелось выкладывать ему полную правду — что мы с Лили вообще мало о чем говорили после Дня благодарения. Время от времени мы ходили в музей или кафе. Время от времени целовались и позволяли себе чуть больше, чем поцелуи (нет-нет, ничего такого, чего нельзя показать по Си-би-эс»). Мы вроде по-прежнему были в отношениях. Однако эти отношения уже казались лишь видимостью.

Я не сказал этого Лэнгстону, поскольку стыдился того, что позволил нам с Лили дойти до такого. И не сказал этого Лэнгстону, поскольку боялся, что это встревожит его. Моя собственная тревога уже зашкаливала.

— Нет, мы не говорили о елке, — в конце концов ответил я.

— И Лили не приглашала тебя на церемонию ее зажигания?

Я покачал головой:

— Впервые слышу о ней.

— Так и думал. Видимо, на церемонию придут только члены семьи, участвующие в ней каждый год. Обычно Лили всем раздает приглашения. Но, похоже, у нее и на это нет настроения.

— Нам точно нужно что-то делать.

— Да, но что? Я буду чувствовать себя предателем, если пойду и куплю елку без Лили.

Я задумался, и мне пришла в голову мысль.

— Прибегнем к уловке?

Лэнгстон склонил голову набок:

— Я весь внимание.

— А если мне купить елку? В подарок. Елка будет частью моего рождественского подарка Лили. Она не знает, что мне известна ваша семейная традиция. Я просто заявлюсь с елкой, и все.

Лэнгстону явно не хотелось признаваться в том, что ему понравилась моя идея, так как это значило бы, что ему нравлюсь я. Однако спустя мгновение его глаза радостно вспыхнули.

— Можно сказать ей, что это подарок в честь двенадцати дней Рождества, — предложил он. — Как бы начало празднования.

— Разве двенадцать дней Рождества начинаются не *после* Рождества?

— Какая разница, — отмахнулся Лэнгстон.

Я сомневался, что все будет так просто, но попытаться стоило.

— Ладно. Я принесу елку. Ты сделаешь удивленный вид. Этого разговора между нами никогда не было. Верно?

— Верно.

Принесли наш заказ, и мы начали набивать рты. Минуту спустя покончили с едой, и Лэнгстон потянулся за бумажником — видно, чтобы оплатить счет. Однако он выложил на стол передо мной несколько двадцаток.

— Забери свой презренный металл! — возмутился я. Наверное, слишком громко для кафе.

— Не понял, — удивился Лэнгстон.

— Я сам обо всем позабочусь, — перевел я, отправив банкноты по столу к нему.